

because the roles were originally played by the noble children who attended the wedding for which the play was originally written.

At the least, the *secondary references* of these attendant spirits are harmless elements, and the actions of these characters, like the “mechanicals,” show their eagerness to please. They *symbolize* a varied but hierarchical world that envelops the other plot lines and contrasts sharply with the scary folklore published in Shakespeares own time. With these and all its names, *MND* represents a distinctive reinterpretation of the spiritual world and the sinews of love that bind the lives of nobles and commoners alike.

References

1. Black, M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy / M. Black. – Ithaca, NY : Cornell UP, 1962.
2. Brooks, H. F., editor A Midsummer Nights Dream / H. Brooks. – New York : Routledge, 1994.
3. Bullough, G., editor Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare : in 8 vol. / G. Bullough. – New York : Columbia UP, 1957. – Vol. 1.
4. Davis, J. M., Frankforter, A. D. The Shakespeare Name Dictionary / J. M. Davis, A. D. Frankforter. – New York : Routledge, 2004.
5. Holland, P., editor A Midsummer Nights Dream / P. Holland. – Oxford : Oxford UP, 2008.
6. Kripke, S. Naming and Necessity / S. Kripke. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1980.
7. Ovid. Shakespeares Ovid, Being Arthur Goldings Translation of the Metamorphoses [Electronic resource] / ed. W. H. D. Rouse. – London : De La More Press, 1904. – 1996. – Mode of access: <http://www.archive.org/stream/shakespearesovid00oviduoft#page/46/mode/2up>. – Date of access: 12.02.2012.
8. Peirce, C. S. Logic as semiotic: The Theory of Signs / C. S. Peirce // The Philosophical Writings of Peirce (1897, 1903) / ed. J. Buchler. – New York : Dover Books, 1955. – P. 98–119.
9. Plutarchs Lives Englished by Sir Thomas North : in 10 vol. [Electronic resource] / ed. W. H. D. Rouse. – London : J. M. Dent & Sons, 1910. – 2012. – Vol. 1. – Mode of access: http://files.libertyfund.org/files/1803/0988-01_Bk.pdf. – Date of access: 12.02.2012.
10. Shakespeare, W. The Riverside Shakespeare / W. Shakespeare; ed. G. B. Evans. – Second edition. – Boston : Houghton Mifflin, 1997.

Н.Д. Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
e-mail: tashastrel@mail.ru

УДК 81:821.161.1

СЕМАНТИКА АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «АВИАТОР»

Ключевые слова: *антропонимы, петербургский текст, символ, Достоевский, воскресение, скрипач.*

Статья посвящена именам собственным главных героев романа Е. Водолазкина «Авиатор». Особое внимание уделено антропонимам, являющимся символами, что характерно для «петербургского текста», каковым является рассматриваемое в статье произведение.

SEMANTICS OF ANTHROPONYMS IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL “PILOT”

Key words: anthroponyms, the St. Petersburg text, symbol, Dostoyevsky, resurrection, violinist

The article is connected with E. Vodolazkin's novel “Pilot” and devoted to the main characters' proper names which we see in the novel. The emphasis is put on anthroponyms that are claimed to be the symbols, which are typical for “the St. Petersburg text”. The piece of work reviewed in the article is considered to have the characteristics described above.

Действие философско-психологического романа Е. Водолазкина «Авиатор» (2016) происходит в 1999 году. Главный герой – Иннокентий Петрович Платонов – проснулся в петербургской больнице после замораживания в результате научного эксперимента, произведённого в лаборатории Соловецкого лагеря особого назначения группой академика Муромцева. Он не помнит, кто он и откуда, но постепенно вспоминая отдельные фразы и всплывающие в памяти мельчайшие детали, сопоставляя фрагменты прошлого, он восстанавливает свою жизнь, записывая по совету доктора Гейгера воспоминания.

Особый пласт в многогранном интеллектуальном романе Евгения Водолазкина принадлежит семантике собственных имён главных героев – *Иннокентия, Анастасии, Настю, Гейгера, Зарецкого*. Отчасти эти «говорящие имена» являются важной составляющей «петербургского текста», в котором значимым становится буквально всё. Конечно, и место действия – Петербург, где городской пейзаж значит больше, чем фон, и сами образы героев – жителей города, и фиксация эмоционального отношения к городу и многое другое. В.Н. Топоров, говоря о специфических особенностях петербургского текста, написанного и продолжающегося создаваться многими авторами, подчёркивал следующее. «Петербургский текст <...> не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход *a realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать («проверять») связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста» [12, 20].

Роман «Авиатор» представляет собой классический «петербургский текст», главный герой которого – человек Серебряного века. По мнению З.Г. Минц, Серебряный век и особенно «символизм превратил пёстрое наследие XIX века в петербургский текст» [5, 79]. Многочисленные реминисценции текста Е.Г. Водолазкина свидетельствуют об этом, начиная с названия, отсылающего к одноимённому стихотворению А.А. Блока. Между тем, нельзя не заметить, что среди смысловых субстратов «Авиатора» ведущее место занимает Ф.М. Достоевский и его петербургские повести и романы.

«Автор, по собственному признанию, назвал своего “авиатора” Иннокентием, потому что имя означает “невинный”, а ему “на роду написано” быть невинной жертвой происходивших в его жизни событий» [8]. Таким образом, семантика имени главного героя тесно связана с одной из главных тем романа – темой вины или её отсутствия, а значит, с категорией справедливости или проблемами «преступления и наказания». Ф.М. Достоевский присутствует в тексте и эксплицитно: в разговоре с другом детства, кузеном Севоём, Иннокентий спрашивает, читал ли он «Бесов»?

Возлюбленную авиатора Платонова зовут Анастасия. «Удивительное имя – полногласное и нежное одновременно, три “а”, два “с”» [3, 54]. Это имя – женская форма

мужского имени Анастас и буквально значит «воскрешение» (греч.), «возвращение к жизни». Анастасия – общепринятое календарное имя [11, 25]. Народной формой от имени Анастасия, его вариантом является имя Настасья, распространённое в XIX веке, например, не раз встречающееся в произведениях Ф.М. Достоевского, где оно всегда выполняет свою семантическую функцию («Преступление и наказание», «Идиот», «Белые ночи»). В Комментарии к роману «Преступление и наказание» С.В. Белов пишет: «Хозяйская прислуга Настасья не случайно носит это имя: Анастасия означает «воскрешение» (греч.) И это очень важно. Настасья <...> – символ матери-земли. И хотя Раскольников надругался над породившей его матерью-землёю, она в лице Настасьи по-прежнему заботится о нём, верит в его воскресение. В этой заботе и в этой вере – залог возрождения Раскольникова» [2, 78]. Возможно, слишком прямолинейно, но Анастасия в «Авиаторе» абсолютно соответствует своему имени, она продолжает любить и ждать Платонова вопреки всему, остаётся верной его памяти, действительно «воскрешает» своего любимого [3, 167–168]. «Передо мной лежит единственный близкий мне человек, и если состояние его таково, то это нужно принимать как данность. Счастье, что он есть, что продержался до моего *возвращения к жизни*» (курсив мой – Н.С.) [3, 173], – приводит автор размышления героя, дословно переводя имя героини. Внучка Анастасии, Настя, 1980 года рождения, явившись в жизни Иннокентия, вскоре становится его женой. Она похожа на бабушку Анастасию, те же волосы, та же походка, та же улыбка.

Герой всё чаще возвращается к мысли о своём внезапном воскрешении, сопоставляя себя – бывшего ЛАЗАРЯ с Лазарем библейским. Аббревиатура ЛАЗАРЬ означает «Лаборатория по замораживанию и регенерации» [3, 207]. «О воскрешении думаю всё чаще. О нём говорит и Настин имя. Иногда мне кажется, что Настя воскресила Анастасию» [3, 287]. В какой-то момент в сознании героя образы Анастасии и Насти сливаются [3, 218].

Многое в повествовании Е. Водолазкина двоится, повторяется, закольцовывается. Первое осознанное воспоминание связано с бабушкой, читающей книгу, этим же фрагментом заканчивается роман; возлюбленная Анастасия является бабушкой возлюбленной Насти; по роковому стечению обстоятельств фамилия следователя, допрашивающего Платонова, – Бабушкин. На Соловках одним из самых жестоких надзирателей был Воронин, который «присвоил самую дорогую мне, – пишет Иннокентий, – фамилию. Придают ли там значение фамилиям?» [3, 186].

Трогательные высокие отношения Иннокентия и Анастасии вызывают ассоциации с «Белыми ночами» Ф.М. Достоевского, воскрешают в памяти его Мечтателя и Настеньку. А ведь Авиатор – это Мечтатель, «человек, способный оторваться от земли» [3, переплёт]. А мысль о том, что «может быть выше справедливости <...> милость [3, 265], «не милость – любовь» [3, 316] – перефразировка мысли Достоевского, звучащая и в «Преступлении и наказании», и в повести «Белые ночи»: «Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька! <...> Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую?..» [4, 59].

Так как «Авиатор» рассматривается в данной статье как фрагмент «петербургского текста», нельзя не сказать о двух естественных параллелях, возникающих при упоминании имени Иннокентий. Во-первых, это Иннокентий Анненский, петербургский поэт-символист, во-вторых, артист Иннокентий Смоктуновский, гениально сыгравший князя Мышкина в блистательной постановке Георгия Товстоногова в БДТ (премьера 31 декабря 1957 г.). Этот спектакль стал легендарным и знаковым событием культурной жизни Ленинграда 60-х годов XX века. Ассоциация закономерная, так как представляется уместным сопоставить роман «Авиатор» с романом Ф.М. Достоевского «Идиот». Тема человека чистого сердцем, попавшего в чуждый мир, в котором люди становятся

чище и добрее в результате общения с ним. Обращение к Анненскому вызвано стихотворением «Смычок и струны»:

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно, ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но ластьясь трепетали.
«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? Довольно?..»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.
Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось... [1, 217]

Фамилия врача, под наблюдением которого находится главный герой, – Гейгер, что в переводе с немецкого значит «скрипач». Настя, упоминая об этом, рассуждает о художественных способностях Гейгера»[3, 298]. Почему такая фамилия у врача? Может быть, это тоже связано с «петербургским текстом», с повестью Ф.М. Достоевского «Нечка Незванова». Главным героем этой книги является художник Ефимов, скрипач, человек трагической судьбы. Так неожиданно возникает этот подтекст и образ – символ скрипки, музыкального инструмента с обширным кругом как божественных, так и демонических коннотаций. «В семиотическом аспекте скрипку отличает обширная сакральная символика. <...>. Жизнеописание Ефимова, можно толковать как “Повесть о волшебной скрипке и её несчастном заложнике”» [9, 330].

Выбирая имя будущей дочери, Иннокентий думает: «Она продолжила бы этот ряд – Анастасия, Настя ... Непонятно лишь, как её следовало бы назвать. Неудобно, когда вся семья носит одно имя» [3, 228]. Возможны разные варианты имени Анастасия, например:

Что в глазах ненастненько,
Дождики косые,
Ася, Стася, Настенька, –
Дочь Анастасия! [10, 269]

Закономерно и точно, в результате сложения двух первых букв любимых имен, рождается новое – АННА, представляя собой сочетание АНастасии и НАсти. И это старое, традиционное и одновременно новое, наполненное особым смыслом, имя более символично, чем любой из вариантов, предложенный в стихотворении И. Снеговой. Кстати, Нечка из повести Достоевского – краткое домашнее имя от Анны.

Отчество Петрович столь естественно и закономерно в «петербургском тексте». Кстати, оно частотно в петербургских повестях и романах Ф.М. Достоевского: титулярный советник Яков Петрович Голядкин («Двойник»), сочинитель Иван Петрович («Униженные и оскорблённые»), Александр Петрович Горянчиков («Записки из Мёртвого дома»), следователь Порфирий Петрович, надворный советник Петр Петрович Лужин и помощник квартального надзирателя Илья Петрович («Преступление и наказание»). Известно, что имя апостола Петра, духовного покровителя Санкт-Петербурга, города святого Петра, означает «камень».

Фамилия Платонов, с одной стороны, восходит к Платону, древнегреческому философу и его диалогу «Государство», в котором философ излагает идею идеального государства, в основе которого лежит идея справедливости. С другой стороны, имя Платон в переводе с греческого означает «широкоплечий», но мы привычно связываем имя со значением «мудрый» по ассоциации с Платоном. Наконец, небезынтересно провести параллель с известным писателем Андреем Платоновым, ровесником авиатора Платонова. Тема смерти занимает важное место в творчестве писателя, он размышляет о про-

блеме воскрешения мёртвых. Для многих его героев идея воскрешения связана с верой в светлое будущее – коммунизм. «Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сопревших людей? < ...> Марксизм всё сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждёт – воскреснуть хочет» [6, 170–171].

Фамилия Платонов во второй части романа становится фактически именем, Настя начинает называть его Платоша. Так, пара Иннокентий – Анастасия с обращением на «вы» становится во второй части романа парой Платоша – Настя с обращением на «ты».

Любопытно, что все три имени главного героя – Иннокентий, Пётр, Платон относятся к именам ограниченного распространения, то есть достаточно редким [11, 90].

Вторая часть романа представляет собой дневниковые записи не только Платонова, но и Гейгера, и Насти, напоминая полифонический роман в стиле Ф.М. Достоевского. В романе упоминается также, что Иннокентий читает М. Бахтина, писавшего о полифоническом романе Ф.М. Достоевского.

И наконец, размышляя о «петербургском тексте» Е. Водолазкина нельзя не обратиться к А.С. Пушкину. Во-первых, к этому взывает фамилия Зарецкий, адресуемая к роману в стихах «Евгений Онегин». Вспомним строки:

К тому ж – он мыслит – в это дело

Вмешался старый дуэлист;

Он зол, он сплетник, он речист... [7, 177]

Зарецкий, казалось бы, второстепенный персонаж, сыграл, тем не менее, роковую роль в центральной сцене романа – дуэли между Онегиным и Ленским. Пушкин даёт достаточно развёрнутую характеристику Зарецкому, она занимает пять строф 6 главы (IV – VIII) романа.

«В дуэлях классик и педант, / Любил методу он из чувства, / И человека растянуть / Он позволял не как-нибудь, / Но в строгих правилах искусства, / По всем преданьям старины...» [7, 186], – пишет поэт. Зарецкий мог бы предотвратить дуэль, мог «помириться их заставить...» [174], однако не делает этого и становится виновником смерти Ленского. Зарецкий – отрицательный персонаж, он расчетлив и хитёр: «Умел он весело поспорить, / Остро и тупо отвечать, / Порой расчетливо смолчать, / Порой расчетливо повздорить...» [7, 174]. Он него зависит в силу сложившихся обстоятельств судьба главных героев, хотя он появляется в их жизни абсолютно случайно. Может быть, тема судьбы, одна из ведущих в творчестве А.С. Пушкина, явившаяся в образе Зарецкого, сподвигнула Е. Водолазкина наречь отрицательного героя своего романа именно так. Кстати, у него нет ни имени, ни отчества, только фамилия.

И, пожалуй, последнее соображение по поводу имени Иннокентий. «Это моё *вы* и *Анастасия* кажутся мне сейчас чем-то избыточным, даже забавным. Но тогда они были для меня чуть ли не порукой её, Анастасии, неприкосновенности. До некоторой степени – символом моей аскезы, чем-то вроде рясы, в которой иноку, наверное, проще сопротивляться искушениям. Или, наоборот, сложнее» [3, 99]. Таким образом, принимая во внимание созвучие имени героя и слова ИНОК, имя Иннокентий обретает дополнительные коннотации.

Литература

1. Анненский, И. Ф. Русские поэты «серебряного век»: сб. стихотворений: в 2 т. /И. Ф. Анненский; сост., авт. вступ. статьи и комментариев Кузнецова О. А. – Л.: Ленингр. ун-т, 1991. – Т. 1. – 464 с.
2. Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Книга для учителя / под ред. С. Лихачёва – М.: Просвещение, 2016. – 240 с.
3. Водолазкин, Е. Г. Авиатор / Е. Г. Водолазкин. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 410 с.

4. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 10 т. / Ф. М. Достоевский. – М. : Худож. лит., 1956. – Т. 2. – 664 с.
5. Минц, З. Г. Петербургский текст и русский символизм / З. Г. Минц // Семиотика города и городской культуры : Учён. записки Тартус. гос. ун-та. – Вып. 664. – Тарту, 1984. – С. 79.
6. Платонов, А. П. Ювенильное море : повести, роман / А. П. Платонов. – М. : Современник, 1988. – 560 с.
7. Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1974. – 324 с.
8. Пять причин прочесть новый роман Евгения Водолазкина «Авиатор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <style.rbc.ru/view/books/571e46939>. – Дата доступа: 09.01.2018.
9. Ренанский, А. Л. Грех художника и химеры искусства (Жизнеописание скрипача Егора Ефимова в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова») / А. Л. Ренанский // Российский гуманитарный журнал. – 2014. – Том 3. – № 5. – С. 321–341.
10. Снегова, И. Внезапный свет / И. Снегова. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 411 с.
11. Сулова, А. В., Суперанская, А. В. О русских именах / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – Л. : Лениздат, 1985. – 222 с.
12. Топоров, В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Семиотика города и городской культуры : Учён. записки Тартус. гос. ун-та. – Вып. 664. – Тарту, 1984. С. 5–29.

В.И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

e-mail: suprun@vspsu.ru

А.В. Данилов

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: aldaniks@yahoo.com

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

КОЛРОНИМЫ В НАЗВАНИЯХ МОСТОВ: СИНИЙ МОСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: гефироним, колороним, апеллятивно-онимический комплекс, цвета радуги, художественный текст, Синий мост.

Мосты привлекают внимание людей своей функцией соединения берегов рек и водоёмов, возможностью передвижения по ним и осуществления социальных, экономических и культурных контактов. Гефиронимы становятся важными ориентирами в топонимическом пространстве городов. Синий мост является достопримечательностью Санкт-Петербурга, он стал объектом описания в художественных и мемуарных текстах, определяя топос повествования, организуя также хронос через описание событий, происходящих около него. Во многих произведениях российских литераторов упоминаются одни и те же действующие лица, они проживают в одних и тех же домах в окрестностях Синего моста, гефироним для них становится точкой отсчёта для фактов истории города, страны и личной биографии.